

ОЧЕРКИ УЧИТЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ.

Въ доброе старое время, говорятъ, больше было единенія между учителями. Одни объясняютъ это тѣмъ, что среди учительской братіи было больше идеалистовъ: многіе-де забывали свои личныя дѣла и заботились больше объ учительскомъ дѣлѣ; поэтому они и ѣздили другъ къ другу и за чашкой чаю каждый находилъ что сказать о чемъ-нибудь изъ своей практики. Иные склонны объяснять упадокъ этого внѣшняго единенія тѣмъ, что начальство наше неблагоклонно

смотреть на всякія собранія учителей, и послѣдніе избѣгаютъ общенія между собой.

Какъ бы тамъ ни было, приходится констатировать, что учителя рѣдко собираются.

Сколько мнѣ ни приходилось бывать въ кругу учителей, почти всегда слышишь одинъ и тотъ же разговоръ. Разговоръ этотъ вращается вокругъ бытовой стороны сельскаго учителя и носить унылый характеръ. Свѣтлаго настроенія не замѣтно и бодрыхъ нотъ не слышно. Новыя времена — новыя пѣсни. Прежнихъ баяновъ смѣнили ноющіе лирики, поющіе Лазаря. Воспользуйтесь случаемъ — только что кончилась репетиція, и нѣсколько учителей сошлось покаякатъ — и послушайте, что говорятъ т е п е р ь за чашкой чаю въ учительской квартирѣ. — Въ одномъ углу съ надрывомъ тянутъ, какъ стало дорого по «новѣйшимъ временамъ» жить; рядомъ запальчиво говорится о томъ, какъ учителей преслѣдуютъ. У молодежи съ языка не сходитъ учительскій институтъ: спрашиваютъ, какъ гдѣ экзаменуютъ, не открывается ли гдѣ институтъ... Почему-то существуетъ мнѣніе, будто въ новооткрывающійся институтъ легче попасть. Не знаю, насколько это вѣрно; но показательно то, что люди норовятъ, что называется, фуксомъ пройти. Знаютъ вѣдь не Богъ вѣсть сколько. Пишущему эти строки достовѣрно извѣстно, что на пріемныхъ экзаменахъ въ учительскомъ институтѣ одинъ утверждалъ, что Днѣпръ течетъ въ Азовское море, другой не менѣе настойчиво утверждалъ, что Екатерина I и Екатерина II — родные сестры и пр. Ну, это еще куда ни шло. Отчего бы и не узнать этимъ учителямъ въ институтѣ, что Екатерина II никогда не была супругой Петра I и проч. въ этомъ родѣ. Многіе изъ жаждущихъ облечься въ форменную тужурку обходятъ институтъ, и пошли въ городскія училища со званіемъ уѣднаго учителя. Среди такихъ есть окончившіе только городское училище. Знать я одного изъ нихъ. Нужды нѣтъ, что онъ писалъ такъ, что глаза рѣзало: «падежы», «въ зашѣи», «естествоведеніе» и т. п. Посмотрѣли бы вы, какъ онъ выдвигаетъ грудь съ ясными пуговицами, какъ высоко носить голову и какъ въ разговорѣ съ начальнымъ учителемъ цѣдить слова и умышленно картавить. Послушали бы вы, какъ онъ въ классѣ, стоя въ позѣ полководца, съ видомъ всезнающаго авгура, говорить ученикамъ, что слово «калоши» — не русское и въ переводѣ на русскій буквально значитъ «мокроступы», какъ, далѣе, пересказывая «Сказку о рыбацкѣ и рыбкѣ», онъ пресерьезно говорить, что старуха захотѣла сдѣлаться «владычицей небесной» и проч. — Нѣкоторые изъ молодыхъ учителей безудержно рвутся въ городъ, да непременно на хорошее мѣсто. Вотъ одинъ, чуть не захлебываясь, рассказываетъ, какъ его товарищъ по семинаріи черезъ годъ попалъ въ городъ и «загребааетъ деньги лопатой»: служить въ городскомъ приходскомъ училищѣ (форму носить!), имѣетъ 2—3 урока и за участіе въ соборномъ хору получаетъ 15 руб. въ мѣсяцъ. Куда же идутъ эти деньги? На самообразованіе? Ну, зачѣмъ такъ много!.. Для «самообразованія» у него есть 2—3 книжонки «универсальной» или «дешевой» библіотеки. Нужны прежде всего пальто на лисьемъ мѣху, котиковая шапка, лѣтомъ — какой-то плащъ съ аляповатой застежкой и непременно «панамы» послѣдняго сорта...

Повернемся, однако, въ другую сторону. Тамъ что-то жарко стало: раза два кто-то ужъ и кулакомъ стукнулъ по столу. Здѣсь рѣчь идетъ о переходѣ изъ одной школы въ другую. Особенно горячится одинъ совсѣмъ молодой учитель, отстаивающій свободу перехода съ мѣста на мѣсто, когда вздумается. Долго вслушивался въ этотъ разговоръ старый учитель, наконецъ, не выдержалъ: — Ахъ, молодежь, молодежь, всѣ-то вы, какъ я погляжу, непосѣды! Только и знаете, что перебѣ-

гаете съ одного мѣста на другое въ погонѣ за лучшимъ, а о пользѣ дѣла вы мало заботитесь. Своими переходами вы вѣдь наносите большой ущербъ школьному дѣлу. Объ этомъ мнѣ даже и говорить неловко — настолько ужъ это элементарно. Но что жъ дѣлать, если эта истина или забывается или игнорируется вами. Брали бы вотъ съ насъ примѣръ. Взять хотя бы меня: вотъ ужъ третій десятокъ служу на одномъ мѣстѣ...

— Позвольте, — рѣзко перебилъ говорившаго горячій юноша. — А почему же это я не могу искать хорошаго мѣста и при чемъ тутъ польза дѣла? Разъ какое-нибудь мѣсто мнѣ не нравится, я обязанъ искать лучшаго, если я хочу принести какую-нибудь пользу дѣлу. Какую же пользу я принесу на мѣстѣ, которое противно мнѣ? Поймите, что каждый день, каждый часъ я только и буду думать, какъ бы уйти съ этого мѣста. Я постоянно удрученъ этимъ и мнѣ не до занятій, Мнѣ почему-то кажется, что всякое другое мѣсто лучше моего. И вотъ я начинаю искать. Наконецъ, находишь какое-нибудь мѣсто. Сколько хлопотъ бываетъ! Вѣдь надо ѣхать къ директору. Директоръ пообщаетъ «куда-нибудь» перемѣстить. Но у тебя мѣсто уже намѣчено, хочется непременно туда, а въ канцеляріи, какъ на-грѣхъ, расхваливаютъ это мѣсто. Надо дѣйствовать скорѣе. Начинаешь обхаживать дѣлопроизводителя, водить его по гостиницамъ. Искарчишь на угощеніе рублей пять... Сколько затѣмъ ожиданій, волненій, тревогъ! Наконецъ, получаешь назначеніе. Какой подъемъ! Ногъ подъ собой не чувствуешь... По приѣздѣ на новое мѣсто полонъ чувства удовольствованія вслѣдствіе достиженія намѣченной цѣли. Ощущаешь приливъ новыхъ силъ и занимаешься съ охотой, какъ не занимался на старомъ мѣстѣ...

— Все это, пожалуй, хорошо, и никто этого оспаривать, мнѣ кажется, не станетъ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, бессмысленно удерживать человека на мѣстѣ, которое почему-либо ему не нравится. Но еще вопросъ, всегда ли новое мѣсто, даже такое, полученіе котораго, какъ вы только-что сказали, сопряжено даже съ затратами, удовлетворяетъ учителя, — замѣтилъ третій. — Вѣдь почти всегда, — продолжалъ онъ, — представленіе о томъ или иномъ мѣстѣ, какъ хорошемъ, составляется по чужимъ словамъ и слухамъ. Нельзя же поѣхать и провѣрить всѣ слухи: на это жалованья не хватитъ. Такимъ образомъ, приходится ѣхать на такое мѣсто, о которомъ достовѣрно ничего не знаешь. И что же выходитъ въ результатѣ? Человекъ приѣзжаетъ на новое мѣсто. Замѣтите, что человекъ этого не удовлетворяло раньше нѣсколько мѣстъ и даже такихъ мѣстъ, которыя нѣкоторыми учителями считались хорошими и даже завидными. Почти всегда такого разборчиваго учителя ждетъ разочарованіе, такъ какъ всякое мѣсто имѣетъ свои недостатки, которые въ глазахъ требовательнаго учителя принимаютъ такіе размѣры, что ему кажется невозможнымъ жить при такихъ условіяхъ. Прежнее же мѣсто нерѣдко кажется гораздо лучшимъ. Разочарованіе вызываетъ подавленное состояніе духа. Учитель занимается вяло. Онъ рѣшилъ уйти непременно. Приходится остаться на годъ, не болѣе. — Надо правду сказать: прихотливы мы стали. Иногда какая-нибудь мелочь такъ подѣйствуетъ на человека, что онъ готовъ бѣжать на слѣдующій день съ не понравившагося мѣста. Помню, какъ удручала меня, человека въ то время одинокаго, тѣснота квартиры. Прослышалъ я объ открытіи одной школы. По отзывамъ, которые мнѣ довелось слышать объ этомъ мѣстѣ, оно представлялось мнѣ чуть не идеальнымъ. Сталъ хлопотать о поступленіи туда и былъ радъ, когда хлопоты мои увѣнчались успѣхомъ. Приѣзжаю въ село, гдѣ находилась моя школа. Село огромное — триста дворовъ. А вотъ и школа. Зданіе подъ ней новое и красивое, на фундаментѣ, съ крыльцомъ и проч. Хорошо.

Вжону. Тамъ какой-то мужикъ, оказавшійся потомъ училищнымъ сторожемъ.

— Гдѣ же, — спрашиваю, — квартира учителя?

— А вотъ, — указываетъ мужикъ на какой-то чуланъ сбоку, отгороженный отъ класса досчатой переборкой. Комнатка совсѣмъ маленькая, такая маленькая, что когда впоследствии я поставилъ вдоль ея кровать и столъ противъ кровати, у противоположной ей стѣны, то между ними почти не оказывалось никакого разстоянія. Такова, значитъ, ширина комнаты. Въ длину немножко больше. Судите сами, какъ это подѣйствовало на меня.

Приходитъ вскорѣ сельскій староста, узнавшій о прїѣздѣ учителя. Онъ объяснилъ мнѣ, что я буду пользоваться мѣрской подводой, когда понадобится куда-нибудь съѣздить. Такъ, это ничего, думаю себѣ.

— Ну, говорите, что вамъ еще нужно, — обратился ко мнѣ староста.

— Лампы вотъ у меня нѣтъ, потомъ кровати, — сказалъ я.

— О, это я живо. Сейчасъ пойду прикажу сдѣлать кровать, а лампу для васъ куплю самъ. У насъ тутъ хорошія лампы въ лавкѣ.

— Ну, а какъ же, — говорю я, — кормиться мнѣ: вѣдь тутъ кухни нѣтъ?

— Это точно, что кухни нѣтъ. А вы ступайте въ сторожку къ церковному сторожу, онъ и накормитъ васъ. Это вотъ тутъ сейчасъ рядомъ.

Пошелъ я къ сторожу. Къ нему, между прочимъ, я и сталъ на хлѣбы. Прихожу опять въ школу. Кое-какъ переночевалъ на полу. Сторожъ далъ мнѣ свой армякъ постлатъ, а покрылся я своимъ пальто. Наутро является староста. Я еще не вставалъ. Кричитъ мнѣ, что онъ купилъ лампу. Я всталъ и началъ одѣваться.

— Лампа она хорошая, это и говорить нечего, да дороги онъ теперь стали, идоль ихъ сломай: цѣлый пятиалтынный отдалъ. Въ городу такія по гривеннику...

Ну, думаю себѣ, и лампа же мнѣ... Одѣлся, вышелъ къ нему. Вижу, староста держитъ въ рукахъ жестянную лампочку, чуть ли не трехлинейную.

— Что жъ это, — говорю, — за лампа?

— Конечно, лампа не дюже большая, есть и болѣй, да сунься-ка купи ихъ... Да вѣдь тебѣ эта лампа какъ разъ въ аккуратъ, потому какъ ты одинъ, и свѣту она будетъ давать тебѣ довольно...

Что же вы думаете? Я рѣшилъ уйти изъ этой школы... Съ той поры я и началъ кочевать. Рѣдко я усиживался больше года на одномъ мѣстѣ. Оставался въ томъ случаѣ, если не было свободнаго мѣста. И настолько овладѣла мною горячка поисковъ хорошаго мѣста, что я сталъ перекечевывать изъ одной губерніи въ другую (раньше я мѣнялъ только уѣзды). Стало походить на азартъ. Дѣло дошло до того, что я перекинулся сразу на Кавказъ. Но и тамъ мнѣ не понравилось, и я сталъ употреблять всѣ усилія на то, чтобы какъ-нибудь перебраться въ Россію. Сколько я денегъ потратилъ, сколько вещей перепортилъ во время переѣздовъ — и говорить нечего. Попалъ все-таки опять въ одну изъ тѣхъ губерній, гдѣ служилъ раньше. Мѣсто хорошее и служить предметомъ зависти многихъ учителей и учительницъ.

Село — что твой городъ. Близко желѣзная дорога. Рѣка судоходная чуть не подъ окнами школы, пристань, почта, телеграфъ, медицинскій пунктъ, базаръ и пр. и пр. Жалованья сорокъ рублей въ мѣсяцъ. Лучшаго, кажется, и желать не остается. Такъ нѣтъ — не понравилось, видите ли, населеніе и я черезъ годъ былъ уже на новомъ мѣстѣ. Ну, теперь, кажется, конецъ моимъ скитаніямъ: семья увеличивается, и съ каждымъ годомъ все труднѣе становится тронуться съ мѣста. Да оно и пора бы ужъ за умъ взяться. Надо и о дѣтяхъ подумать.

Ну, а насчетъ пользы службы я скажу вамъ, что эта вещь меня мало касается. Вы напрасно дѣлаете удивленные глаза. О пользѣ дѣла пекутся училищные совѣты. И что же мы видимъ: ежегодныя массовыя перемѣщенія учителей и учительницъ. Очевидно они, эти перемѣщенія, служатъ пользѣ дѣла. Отчего же мнѣ, изъ усердія, не помочь училищнымъ совѣтамъ? Вотъ я и дѣлаю это по силѣ возможности. Правда, за пятнадцать лѣтъ службы я только на десятомъ мѣстѣ тогда, какъ я знаю учителей, которые по постановленію училищныхъ совѣтовъ въ одинъ годъ ознакамливались съ двумя-тремя мѣстами; но что же дѣлать, если я не въ состояніи дать себѣ мѣсто въ любое время? Однако, господа, позднеенько; пора бы ужъ и ко дворамъ, — неожиданно заключилъ онъ. Всѣ стали расходиться.

П.—овъ.